

Почему они так спешили

Мне сейчас вспомнилась телепередача, посвященная 5-летию распада СССР. В ней участвовали Г. Шахназаров, С. Шушкевич, Г. Бурбулис и другие.

Ведущий передачи спросил Г. Бурбулиса:

— Значит, проект с СНГ не состоялся?

Его ответ:

— Да.

— Ну а что же могло быть вместо СНГ? — спросил ведущий.

Ответ Бурбулиса:

— Наверное, все-таки мягкий горбачевский Союз.

Г. Бурбулис просто выкручивался, юлил, вводил в заблуждение. Все годы он подталкивал Ельцина и сам упорно “работал” над развалом Союза.

Но Союз можно было обновить и сохранить. И этой линии я до конца придерживался. Это тревожило, пугало противников Союза.

В ноябре 1991 года на пост министра внешних сношений СССР вернулся Эдуард Шеварднадзе. Это стало сигналом для союзных республик и мира о намерении Президента СССР вновь развернуть активную внешнюю политику по всем азимутам. Это назначение умеряло и как бы уравнивало односторонне прозападную внешнеполитическую линию козыревского МИДа РСФСР. Словом, вопреки громким утверждениям противников сохранения союзной государственности, будто Союз перестал существовать, распался, я упорно продолжал “сбирать камни” и сражался за Союз “до последнего патрона”.

Вот в такой обстановке ельцинское руководство решило форсировать свои сепаратистские и ликвидаторские планы. За спиной Президента СССР Ельцин использовал доверительные контакты с заместителем министра обороны СССР генералом Грачевым, министром МВД СССР генералом В. Баранниковым и министром обороны СССР Е. Шапошниковым. Он смог заручиться их поддержкой при подготовке и реализации Беловежских соглашений. Как оценить эти поступки генералов, присягнувших на верную службу Союзу?

Объявив в Беловежье Союз “бывшим” и доложив об этом прежде всего президенту США (?!), три республиканских “вождя” тем не менее опасались встречи с Президентом Союза, назначенной ранее на 9 декабря в Кремле. Кравчук и Шушкевич ехать в Москву не решились. А Ельцин перестраховался, заручившись моим заверением в своей безопасности.

Что оставалось делать Президенту объявленного несуществующим Союза? Арестовать Ельцина и его поделщиков за явно антиконституционные действия? Но дело даже не в том, что полного контроля над органами безопасности, армией у Президента Союза уже не было. Если бы я решил опереться на какую-то часть силовых структур, это неизбежно повлекло бы острый политический конфликт, чреватый кровью и далеко идущими негативными последствиями. Пойти я на это не мог — просто перестал бы быть самим собой. Но “сдавать” Союз до тех пор, пока еще видна возможность его спасти, не собирався, именно поэтому боролся за сохранение Союза.

9 декабря я заявил о необходимости обсудить во всех Верховных Советах союзных республик и Верховном Совете СССР

как проект Договора о Союзе суверенных государств, так и соглашение, принятое в Беловежье. А поскольку соглашение предлагало иную формулу государственности, что является компетенцией Съезда народных депутатов СССР, заявил о необходимости созвать такой съезд и не исключил проведения всенародного референдума по этому вопросу.

В ответ на это заявление руководство Верховных Советов РСФСР и Белоруссии блокировало созыв Съезда народных депутатов СССР, отозвав из него своих представителей. Рассмотрение проекта Союзного договора в парламентах республик было сорвано.

Российское руководство любой ценой стремилось добиться одобрения Беловежского соглашения явным большинством парламента. Ради этого Хасбулатов использовал даже Зюганова. Политическое, информационно-психологическое и иное давление на народных депутатов РСФСР, в том числе членов РКП, которые проявляли колебания или негативное отношение к беловежскому сговору, дало результаты. Из 201 депутата “за” Беловежское соглашение проголосовали 188 человек, “против” — 6 человек, воздержались — 7 человек*. Против ликвидации Союза проголосовали лишь С.Н. Бабурин, В.Б. Исаков, И.В. Константинов, С.А. Полозков, П.А. Лысов, Н.А. Павлов.

Обсуждение и решение судьбоносной для страны проблемы в Верховном Совете России проходило в спешно организованной атмосфере победного ультрапатриотизма. В выступлениях Ельцина и других авторов соглашения утверждалось: освободившись от Союзного центра, Россия сможет установить более

* Беловежские соглашения были ратифицированы Верховным Советом РСФСР 12 декабря 1991 года.

справедливые и надежные связи с другими республиками. Все сомнения и вопросы, возникавшие у ряда депутатов, отменялись. Коммунист, космонавт Савостьянов призывал всех голосовать “за”, чтобы “избавиться от Горбачева”. Итоги голосования встретили стоя, бурной овацией. Так радикал-демократы с участием коммунистов похоронили Большую Россию, преемником которой, по существу, и был Советский Союз. А менее чем через два года — в октябре 1993-го — президент Б. Ельцин разгонит этот Верховный Совет куда более круто, чем большевики Учредительное собрание в 1918 году, расстреляв его из танковых пушек.

До сих пор, кстати, не ясно, сколько на самом деле погибло в те дни людей. Их срочно на трейлерах вывозили и хоронили неизвестно где. Ельцин боялся, что ему придется отвечать за все, что произошло, и предложил размен: не начинать расследование всего этого трагического эпизода, связанного с расстрелом парламента, а в этом случае он согласен пойти на амнистию гэкачепистов, разбирательство с которыми шло в Верховном суде.

Вот такой преступный бартер был совершен.

Ну а что делать сейчас? Я думаю, возможен качественно новый Союз Независимых Государств, но до него еще далеко. А сейчас создание Таможенного союза России, Казахстана, Белоруссии и других — это шаг в правильном направлении.

...23 декабря 1991 года практически в течение всего дня я в Ореховой комнате, что называется, передавал президентские дела Б. Ельцину в присутствии Александра Яковлева. Договорились: 30 декабря Союзный аппарат должен был прекратить свою деятельность.

...К этому времени, надо сказать, уже в 1990 году советские ученые и архивисты, работавшие в совместной советско-польской комиссии по так называемым белым пятнам в отношениях между Советским Союзом и Польшей, обнаружили документы конвойных войск НКВД, которые косвенно, но достаточно весомо свидетельствовали о непосредственной ответственности за катынские преступления Берии, Меркулова и их подручных.

13 апреля 1990 года во время визита президента Польши Войцеха Ярузельского в Москву я публично заявил о найденных советскими историками списках и других архивных материалах Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР, в которых содержались фамилии польских граждан, находившихся в Козельском, Осташковском, Старобельском лагерях НКВД в 1939–1940 годах. В официальном сообщении ТАСС от 13 апреля 1990 года советская сторона, выражая глубокое сожаление в связи с катынской трагедией, заявила, что “катынская трагедия представляет одно из тяжких преступлений сталинизма”. Тогда же было возбуждено уголовное дело, принятое к расследованию Главной военной прокуратурой под № 159.

На встрече с Ельциным 23 декабря 1991 года я показал, прочитал и передал ему документы “Особой папки” по Катыни, о которых я узнал только утром того же дня от сотрудников архива. Условились о передаче их полякам. “Теперь, — сказал я, — это уже твоя миссия, Борис Николаевич”. Но вот спустя почти год после этого, в октябре 1992 года, команда Ельцина, организовавшая “Дело КПСС в Конституционном Суде”, представила документы “Особой папки” по Катыни (точнее, их ко-

пии), утверждая, будто бы они найдены “случайно” и что Горбачев якобы “скрывал” их от поляков. А ведь все известно по этому случаю ныне здравствующим работникам.

Трудно сказать, почему Ельцин передал копии этих жутких документов польской стороне только в октябре 1992 года, а не во время визита президента Леха Валенсы в Москву в мае 1992 года. Но вот возвести напраслину на Горбачева не забыли... В 1994 году “Катынское дело” было прекращено и его материалы засекречены. Думаю, логическое продолжение расследования всех обстоятельств и круга фигурантов “Катынского дела” станет возможным в результате принятого ранее Д.А. Медведевым решения, о котором он сообщил в связи с гибелью в авиакатастрофе весной 2010 года президента Польши Леха Качиньского.

Другое обстоятельство, о котором я хотел бы упомянуть, касается измышлений о том, будто я выдвинул в рабочей беседе с Ельциным “огромный список претензий” на привилегии и требование о предоставлении мне особого статуса неприкосновенности, освобождающего от уголовной и прочей судебной ответственности. Действительно, в ходе встречи, естественно, затрагивались вопросы статуса Президента СССР после прекращения им своих должностных обязанностей. В том числе, например, вопрос об охране его как носителя государственной тайны. В этой связи, а вернее, без какой-либо связи и каких-либо притязаний с моей стороны, Ельцин как бы с угрозой заявил, что о неприкосновенности Президента СССР с уходом в отставку не может быть и речи, а если Вы чувствуете за собой вину, то лучше, мол, признайтесь сейчас, пока Вы еще президент.

Без непрошенных мной гарантий президентской неприкосновенности я прожил почти двадцать лет. За эти годы испытал всякое: от дикого требования в течение 24 часов освободить президентскую квартиру и дачу до запретов выезда за границу (в том числе и на похороны моего друга Вилли Брандта). От инсценировки подобию Нюрнбергского процесса над КПСС и Горбачевым до позорной блокады военными и шельмования Горбачев-Фонда, запретов на выступления в СМИ и издания моих книг. Не говоря уже об упавшей до двух долларов пенсии и массе других мелких и крупных пакостей со стороны старо-новой российской номенклатуры и ее “вождя”.

Это — иллюстрация “беловежской цивилизации”, до уровня которой опускали страну. Ведь, оказывается, как на полном серьезе говорится в мемуарах Б. Ельцина: *“Мы хотели создать прецедент открытой, раскованной, спокойной жизни экс-главы государства, и мы создали его. Впервые в российской истории создали, несмотря ни на что”*. Вот такой “прецедент”, вот такая “инновация”. Демагогия высшего сорта.

Тем не менее первому Президенту Российской Федерации (Ельцину) специальным Указом зафиксирована неприкосновенность от следствия и суда, за государственный счет создана библиотека в Санкт-Петербурге его имени, выделено прекрасное здание в центре Москвы для Фонда. Вот это действительно большой шаг вперед по сравнению с “беловежской цивилизацией”.

В последние дни перед уходом из Кремля я беседовал по телефону с Колем, Миттераном, Мейджором, Бушем, Малруни и другими своими политическими партнерами. Их интересо-

вала моя позиция, мои оценки, мои прогнозы ситуации. Хотя я по-прежнему считаю, что ход событий пошел не в том направлении, которое считал правильным, я заверил своих собеседников, что использую все возможности, чтобы содействовать жизнеспособности, эффективности Содружества. “Самое худшее, — предостерегал я, — произойдет, если дезинтеграция будет прогрессировать. Важно не допустить этого”.

Поэтому я подчеркивал необходимость поддержки со стороны Запада Содружества и особенно России. Акцентировал актуальность финансовой и продовольственной помощи. Собеседники интересовались моими планами после Кремля. Я заверил, что в лесах прятаться не собираюсь, из политики и общественной жизни не уйду. Буду и в новых условиях в меру моих сил поддерживать демократические реформы, которые были начаты перестройкой.

Не скрою, внимание, заверения и добрые пожелания моих давних знакомых и партнеров несколько смягчали мое не самое лучшее настроение. Не оставляло чувство тревоги за судьбу великого дела, начатого — скажу без ложной скромности — мною и моими единомышленниками. Это чувство тревоги в какой-то мере уравновешивалось разве что убежденностью в том, что для обновления страны, общества, жизни моих сограждан я сделал и был готов сделать все, что было в моих силах и возможностях.

Размышляя над содержанием моего последнего президентского обращения к согражданам, я отверг советы не задевать амбиции учредителей Содружества. Решил оценить ход и итоги событий реалистически. Подчеркнуть опасности распада государственности, необходимость беречь завоевания,

которые удалось достичь за годы перестройки. Выступая 25 декабря с заявлением о прекращении деятельности на посту Президента СССР, я сказал о своем несогласии с расчленением страны и вместе с тем заявил, что буду делать все, что в моих возможностях, чтобы соглашения, подписанные в Алма-Ате, вели к реальному согласию в обществе и обеспечили бы выход из кризиса в процессе реформ...

Четверть века, прошедшие с начала перестройки, дают мне все новые основания заявить: “Я убежден в исторической правоте демократических реформ, которые начаты весной 1985 года”. Годы, прошедшие с тех пор, подтверждают не только историческую правоту, но и растущую актуальность демократического обновления страны. Так же как и актуальность главного смысла обращения к согражданам 25 декабря 1991 года: жизненно важно сохранить демократические завоевания перестройки. От этих завоеваний “нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах, ни под каким предлогом. В противном случае все надежды на лучшее будущее будут похоронены”.

Демократические завоевания перестройки, выдержавшие и августовский путч, после его провала были подвержены новым испытаниям уже со стороны режима личной власти и власти “семьи”. Этот режим был установлен под прикрытием демократических лозунгов при поддержке радикал-демократами старо-новой российской номенклатуры, при фактическом попустительстве либеральных “вождей” “ДемРоссии”. Все крупные решения, затрагивавшие коренные интересы народа, принимались за его спиной и за его счет. Так было с “шоковой терапией” и обвальная приватизацией, отбросившими абсолютное большинство населения к бедности, нищете и повлек-

шими беспрецедентную социальную поляризацию, глубокая печать которой воспроизводится в российском обществе и поныне. Так было покончено с первым свободно избранным российским парламентом, расстрелянным по приказу Б. Ельцина в октябре 1993 года. Так была начата война в Чечне, вылившаяся в затяжную и предельно кровавую бойню, последствия которой болезненно сказываются до сих пор. Так превратились в шоу едва не отмененные президентские выборы 1996 года с их подкупом избирателей, незаконным расходом многих миллионов долларов, грубыми фальсификациями и явным использованием властями “административного ресурса”.

Придя к власти и удерживая ее любой ценой, радикал-демократы превратились в радикал-либералов, забывших о демократии и социальной ответственности. В результате оказались дискредитированными в народе даже сами понятия “демократия” и “реформы”. В этом я вижу не столько главную и безусловную вину “элиты” 90-х годов, сколько колоссальную беду нашего общества до сих пор. А ведь весь мир, усваивая уроки глобального кризиса, стремится выйти на новые ступени цивилизации. Казалось бы, руководство страны это видит и понимает.

Об этом свидетельствует и поставленная российскими властями задача модернизации. Однако без нового прорыва к гражданской активности модернизация — если, конечно, речь вести о модернизации государства и общества, а не о чисто технических новациях на отдельных направлениях производства — просто невозможна. Главным субъектом социальной модернизации может быть *гражданин* с его правами и обязанностями. Раскрепощение человека, превращение его из

“винтика” в активного участника социально-политических процессов, способного делать собственный выбор, влиять на свою личную и гражданскую судьбу, на ход жизни в своем окружении, в своей стране, — в этом была цель перестройки. И во многом она достигалась. Во всяком случае, для этого за неполные семь перестроечных лет было сделано много. Главное, что принесла перестройка, — мощный подъем к активной общественной, политической, гражданской деятельности массы новых людей всех возрастов, целых поколений и особенно молодежи.

За годы перестройки в России словно проснулось и стало расти гражданское общество. Да, с перехлестами, с излишней митинговщиной, с изрядной долей демагогии. Но именно *граждане* России не захотели и не позволили вернуть страну в доперестроечное время. Однако отвергнув путчистов, граждане России не сумели вовремя рассмотреть политическую ловушку, в которую их вовлекали прекраснодушные демагоги и искушенные в подковерных интригах лидеры номенклатуры. “Решительный вождь”, эйфория победы оказались несовместимы с демократией, изначально были ей противопоказаны.

В ходе борьбы за перестройку мною и моими товарищами был совершен ряд ошибок, о которых мне уже приходилось говорить. И хотя многие из моих оппонентов считали и считают, что ни КПСС, ни СССР реформировать было невозможно, я не могу с этим согласиться. Много можно и нужно было делать раньше, быстрее и — как очевидно теперь — жестче. Наконец, стратегическим просчетом перестройки была недооценка глубины финансового и экономического кризиса, в который вползала страна. Поворот к социально ориентиро-

ванной рыночной экономике можно и нужно было начать раньше и основательнее. Даже в 1990–1991 годы можно было сдерживать и предотвратить разрушение потребительского рынка, используя в этих целях необходимые средства, в том числе за счет более крупного сокращения военных расходов.

Разумеется, закономерен вопрос: почему лидеры перестройки не смогли сделать все это “раньше, быстрее и жестче”, что помешало? Начатый перестройкой процесс глубокого обновления такой огромной и многосложной страны, какой был Советский Союз, требовал для успешного развития гораздо большего времени, чем те неполные семь лет, которые были отпущены перестройке до того, как она оказалась сорванной едва ли не на половине пути. Противники перестройки, придерживающиеся, казалось бы, противоположной социальной ориентации, действовали на параллелях и синхронно. Одни тормозили, саботировали обновление. Другие требовали его ускорения, “погоняли”, расшатывали союзные структуры. Под предлогом борьбы с консерватизмом “ломали хребет” Союзному центру, “доразрушали” его. За 1991 год перестройка, а вместе с ней вся союзная государственность испытали на себе два достаточно мощных заговора: путч в августе и беловежский сговор в декабре. По существу, это были два государственных переворота, которые при всех различиях между их вдохновителями и организаторами отличает большое и весьма характерное сходство:

Во-первых, и тот и другой готовились именно как заговоры — тайно, за спиной народа.

Во-вторых, и тот и другой грубейшим образом нарушали союзные и республиканские конституции.

В-третьих, и тот и другой строились на лжи и обмане.

В-четвертых, и тот и другой направлялись против Горбачева, но вели (в одном случае объективно, в другом еще и целенаправленно) к разрушению государства.

Но, пожалуй, самое существенное сходство этих двух государственных переворотов состояло в том, что за ними в реальности стояли интересы номенклатуры. В одном случае той ее части, что боялась утратить власть и привилегии. А в другом — той, что стремилась при новых республиканских властях закрепить, “узаконить” за собой фактическое распоряжение собственностью, которая находилась под титулом “общесоюзной”, “общенародной”, “общегосударственной”.

Первый заговор и переворот провалился потому, что вовремя был распознан общественным сознанием как откат в доперестроечные годы. Второй переворот удался, поскольку прикрывался теми же демократическими лозунгами, что и борьба за перестройку, обещаниями быстрого преодоления кризиса и дальнейшего развития демократии. Иными словами, старой номенклатуре обмануть народ не удалось, а у новой, группировавшейся вокруг Ельцина, это поначалу получилось.

Довольно скоро проявились и существенные различия. Если гкачеписты в августе не решились расстрелять российский парламент в Белом доме, то Ельцин в октябре 1993 года этот самый парламент расстрелял без колебаний. И здесь обнаружился один весьма важный и показательный нюанс, о котором у нас до сих пор не принято вспоминать. Такая “решительность” Ельцина объясняется не в последнюю очередь тем, что в своей борьбе с парламентом Президент России заранее заручился согласием и поддержкой ряда ведущих лиде-

ров западных государств, которые этот расстрел ему очень быстро простили или просто “не заметили”.